

ПОТЕНЦИАЛ ЭВОЛЮЦИОННО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПОСТРОЕНИИ КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ

КУЛИКОВА О.Б., канд. филос. наук

Представлена проблема субъекта познания в моделях школы эволюционной эпистемологии. Проводится сравнение их с концепциями классической философии познания. Оценивается эвристический потенциал эволюционно-эпистемологического подхода.

The problem of cognitive subject in the evolutionary epistemology school has been discussed and compared with the models advanced by the classical cognitive philosophy. Special attention has been paid to heuristic potential of the evolutionary epistemological approach.

Ключевые слова: субъект познания, эволюционная теория, эволюционная эпистемология, философия познания, априори.

Key words: Cognitive Subject, Evolutional Theori, Evolutional Epistemology, Cognitive Philosophy, A-priori.

Проблема субъекта познания в системе эпистемологической проблематики стала актуальной с момента обоснования категории субъекта Р. Декартом в XVII в. Правда, это понятие встречается еще у Аристотеля, в учении которого оно означало субстанциальное начало мира, а также всякое индивидуальное бытие. Авторы современных эпистемологических концепций зачастую отказываются от использования данной категории, но это приводит к утрате системообразующего элемента философии познания.

Другое дело, что необходимо отказаться от упрощенных моделей субъекта. В этом плане значительный потенциал имеется в рамках разных современных эпистемологических течений. Особенно можно выделить школу эволюционной эпистемологии. Но прежде необходимо обратиться к классическим вариантам решения данной проблемы.

Начиная с Декарта, субъект стали понимать как некую человеческую активность, направленную на нечто внешнее, представляющее интерес. Причем Декарт и многие современные ему философы отождествляли познание как таковое с *научным* познанием. Поэтому все характеристики декартовского субъекта познания относились именно к носителю интереса научного. Для Декарта субъект есть «мыслящая вещь», отличающаяся от других вещей материального мира. Пытаясь, как Ф. Бэкон и Т. Гоббс, найти способы преодоления заблуждений, несовершенства разума (создав «правила для ума», правила метода), он стремился познание в целом поднять до уровня научного.

Главное внимание мыслители Нового времени уделяли тем параметрам субъекта, которые касались *методологической* стороны его активности. Главное для субъекта – выбрать правильный метод, гарантирующий, как считалось, получение истины для всех. Для Декарта идеалом человека познающего являлось то, что выражает не индивидуальное Я, а нечто безусловное в чело-

веке. Благодаря его усилиям было создано представление о чистом разуме как гаранте истинного знания. В таком разуме все ясно, отчетливо, понятно.

У Д. Локка, напротив, субъект мыслится как сугубо эмпирический, наделенный способностями к восприятию внешнего мира. Такой субъект имманентен тому, что он познает. Более того, такой субъект создает себя благодаря тому, что познает.

И. Кант, в свою очередь, подчеркивал односторонность и рационализма (дающего лишь аналитическое знание, утверждающего абстрактное тождество) и эмпиризма (с его зависимостью от индивидуального чувственного опыта, фиксирующего абстрактное различие). Он считал, что восстановил в своей теории целостность мышления, а именно – *соединил в субъекте всеобщее и единичное*. Единство чувственности и рассудка Кант представил как процесс подведения явлений под априорные категории. В итоге, по его мысли, и создается синтетическое суждение, способность к совершению которого и исследует Кант.

Для Канта познание – это не зеркальный акт, а активный двусторонний процесс, взаимодействие субъекта и объекта. Кроме того, кантовское синтетическое суждение возможно только на основе деятельности разума. Именно разум обладает способностью соединять структуры мышления и чувственный опыт. И при этом Кант признает, что разум не адекватен самой объективной реальности, у него иная сущность.

Особое место в ряду учений о субъекте познания занимает марксистская гносеология. В ее рамках, как известно, человек познающий рассматривался как деятельное начало, включенное в универсальные отношения мира, а само познание как аналог всеобщего свойства мира – отражения. С такой точки зрения именно объект воздействует на субъект, на органы чувств последнего, и в итоге формируется *субъективный образ объективного мира*.

Такая позиция оставляет «за скобками» важнейшие характеристики субъекта, да и многие глубинные параметры его познавательной активности. По словам профессора Л.А. Микешинной, назрела настоятельная необходимость преодолеть эту парадигму в философии познания. В XX в. появилось много когнитивных практик, осуществился их синтез, т. е. диалог разных философских традиций, который поможет снять упрощенную редукцию теории отражения, и тогда субъект может предстать как *целостность*, в единстве всех своих качеств.¹

Одним из перспективных подходов в данном отношении и выступает эволюционная эпистемология (иногда ее называют биоэпистемологией или эволюционной теорией познания). В 80-е годы международное признание этой школы можно считать состоявшимся. Активное участие в разработке эволюционно-эпистемологических идей принимают представители различных отраслей естествознания и, конечно же, философы. Новая исследовательская программа обеспечила построение множества вариантов интерпретации процесса познания и его результатов на основе идеи эволюции. Как отмечают сами представители школы, их духовными предшественниками были Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, И. Кант, У. Джеймс, Э. Мах и даже А. Бергсон.

Не была отвергнута в принципе и теория отражения, но как объяснительная конструкция она была существенно ограничена. Именно так можно трактовать важнейшую идею основателя биоэпистемологии К. Лоренца: за всеми восприятиями мира лежит некое соответствие их реальности, существующей вне нас.² Еще более определенно эту мысль высказал немецкий представитель школы Г. Фоллмер: «субъективные и объективные структуры соответствуют друг другу таким образом, что только совместно и делают возможным познание».³

К. Поппер – один из самых ярких последователей эволюционного подхода в философии познания – рассматривает, например, механизмы восприятия как такие тропинки знания, которые могут приводить и к заблуждениям, поскольку они не являются «фотографиями», а определяются интерпретациями субъекта в соответствии с его целями и интересами.⁴ Для него познавательная деятельность предстает движением в поле предположений, которые субъект постоянно пытается столкнуть с действительностью, «затем улучшить их, сделать их ближе к действительности».⁵

Тем самым подчеркивается ключевая роль не неких отражательных процедур, (видимо, в определенной мере имеющих место быть), а взаимосогласования природной среды и познающего ее человека. Человек не столько отражает, сколько выражает степень своих природных и социаль-

ных способностей по построению собственной жизненной ниши (мира).

В модели К. Лоренца особо можно выделить положение о присущей человеку уверенности в соответствии его познавательных способностей внешнему миру. Главная идея австрийского этолога – идея эволюционно сформированного у человека доверия собственным органам чувств, или врожденного умения отделять свои внутренние состояния от образа внешнего мира.⁶

Продолжая эту общую для эволюционной эпистемологии мысль, американский представитель школы Кай Хахлвег определяет познание как обретение человеком состояния устойчивости в отношениях с миром, и как результат – повышение возможности управления миром. Он пишет: «Уже механизм восприятия ясно обнаруживает эту необходимость создания устойчивости в существенно неустойчивом мире», а далее уточняет, что устойчивость не является чем-то данным, «ее приходится конструировать».⁷ Познание, в его понимании, предстает уже процессом взаимодействия с миром, а в историческом развитии – возрастающей способностью управления взаимодействиями с миром.⁸

Рассуждая соответственно логике собственно эволюционизма, они признают общий прогресс познания и познавательных способностей человека, признают важнейшим фактором этого прогресса естественный отбор, но без какого бы то ни было заранее заданного, а тем более окончательно, результата.

Так, Г. Фоллмер прямо заявляет, что рассматривает в качестве результата эволюции, то есть приспособления к внешней среде, не только органы чувств, но и сами функции восприятия и познания.⁹ Он подчеркивает, что любое приспособление организмов к окружению «не бывает идеальным», но «не может быть также и плохим». Это относится и к познанию, а в его концепции – к достижению соответствия субъективных познавательных структур с объективными структурами. Соответствие «должно быть адекватным выживанию», но «полная изоморфия не нужна и невозможна».¹⁰

Сходным образом рассуждает и Кай Хахлвег, который, в свою очередь, строит свою версию эволюционной эпистемологии на базе учения Конрада Хэла Уоддингтона – известного английского эмбриолога и генетика. К. Уоддингтон установил на основе обстоятельных исследований, что окружающая среда как бы сотрудничает с генотипом и определяет специфику фенотипа. В 1940 г. он ввел понятие креода как структурно-устойчивого пути развития живых систем; в 50-е гг. изучал специфические механизмы так называемого стабилизирующего отбора. Опираясь на эти идеи, Кай Хахлвег очень осторожно пользуется понятием прогресс, считая некорректным его использование в неантропологическом смысле, то

есть за пределами развития собственно рода *Homo sapiens*.¹¹ По мнению философа, говорить стоит о прогрессе физиологических, анатомических и поведенческих возможностей индивидов, но из этого еще не следует, что данный вид обладает большей выживаемостью по сравнению с другими. «...Если мы хотим понять познавательный прогресс, – пишет он, – мы также должны принять во внимание род окружающей среды, благоприятствующей познавательным возможностям». ¹² Таким образом, нужно учитывать, что окружающий мир сам активно участвует в отборе релевантных характеристик вида, включая характеристики познавательной активности.

Человек в этом плане превосходит все другие виды тем, что формирует особо организованную сферу познания – науку, и ее прогресс, по определению Кая Хахлвега, есть «совершенствование когнитивной компетенции вида *Homo sapiens*», а точнее, его способности управлять своими взаимодействиями с миром.¹³ Сходным образом рассуждает и австрийский представитель биоэпистемологии профессор Эрхард Эзер, который называет науку механизмом выживания второго порядка, опирающимся на выработанные эволюцией реактивные схемы и обеспечивающим виду более успешную деятельность.¹⁴

Определенной спецификой обладают в данном отношении взгляды Карла Поппера – выдающегося британского философа и ученого XX века. В ранних своих работах Поппер уже использовал дарвиновскую идею отбора применительно к описанию и объяснению роста научного знания. Позднее объяснительный потенциал эволюционной теории он расширил, применяя его к познавательной деятельности в целом. Познание он рассматривает как способность организма активно адаптироваться во внешнем мире, способность испробовать мир для выживания, искать в нем лучшего способа жизни.¹⁵

К. Поппер говорит о жизненной необходимости априорного знания и дает его характеристику в духе своей концепции. Всем теориям познания Поппер категорично противопоставляет следующий тезис: «все знание по своему содержанию априорно, собственно априорно генетически». ¹⁶ В этом смысле он даже критикует дарвиновские идеи естественного отбора и борьбы за существование. Приспособление для него и есть форма априорного знания. Раз жизнь существует, значит, в нее должно быть встроено знание. «...В жизнь, – пишет К. Поппер, – с самого начала должно быть встроено предвосхищение условий окружающей среды на довольно длительное время», и, конечно, «условия окружающей среды должны быть относительно стабильными». ¹⁷ Таким образом, К. Поппер, по сути, отождествляет природную эволюцию и развитие познавательного процесса.

Наличие априорного знания признавали и К. Лоренц, и Г. Фоллмер, и другие биоэпистемологи. Так, К. Лоренц говорит о феномене гештальт-восприятия как образа-конструкции, параметры которого задаются исходными особенностями центральной нервной системы, а также об априорности определенных мыслительных операций, а все вместе они, по выражению ученого, «несут в себе печать истории и произошли под воздействием отбора». ¹⁸

При этом не все представители биоэпистемологической школы единодушны в интерпретации того, что есть само по себе априорное знание и, соответственно, насколько их позиции близки позиции И. Канта. Так, например, по мнению специалистов, фоллмеровское априорное знание состоит только в пределах так называемого мезокосмоса.¹⁹

К. Поппер утверждает, что «всеобщее знание наличествует раньше, чем текущее, особенное знание». Это всеобщее знание предстает у него как знание законов природы, которое, однако, не самодостаточно, не осознано.²⁰ Такое знание носит, согласно его представлениям, характер предугадывания, ожидания, предвосхищения, предположения.

В целом, надо признать объяснительный потенциал модели эволюционной эпистемологии в отношении человеческого чувственного познания. Сложнее обстоит дело с возможностями данной модели в отношении познания научного. Ведь адаптированность познавательных способностей человека к соразмерным с ним внешним явлениям еще не гарантирует аналогичной адаптированности к тому, что есть «большой мир» (Вселенная, Космическое целое, Мироздание), а также и несовместимый с ним «малый мир» (необозримый и невидимый мир элементарных частиц). Признание неклассической наукой различий в устройстве так называемых трех физических миров (микро-, макро- и мегаразмеров) можно трактовать двояко: 1) как свидетельство о возможной согласованности развития мирового целого с его некоторой незначительной по масштабам частью – человеческим миром и 2) как указание на наличие аномалии в естественных мировых процессах. Еще более загадочным становится то обстоятельство, что человек всегда выходит за пределы непосредственного чувственного опыта, конструируя различного рода универсалии. Очевидная избыточность человеческих познавательных способностей в целом не вполне укладывается в объяснительные рамки биоэпистемологии.

Научное познание рассматривается как некая качественно более высокая ступень приспособительных способностей рода *Homo sapiens* в форме познавательной деятельности. Но ни в одной из концепций эволюционной эпистемологии не

дается удовлетворительного объяснения различиям этих способностей на уровне индивида и на уровне сообщества. Хотя в целом признается действие разных механизмов на этих уровнях.

Если согласиться с тезисом о соответствии субъективных структур познания внешним природным условиям, то встает ряд вопросов. Как быть с изменениями парадигмальных структур науки? Как объяснить многонаправленность, негарантированную истинность коллективного познания? Означает ли это, что коллективные структуры познания выступают менее адаптивными? Постановка данных вопросов вполне логична в парадигме эволюционной теории познания.

В целом, все представители рассматриваемого направления наделяют познающего человека преимущественно родовыми, а не индивидуальными характеристиками. Но нельзя, одновременно, не отметить продуктивность самой биоэпистемологической программы, позволяющей видеть в субъекте познания активное начало, нацеленное на поиск новых возможностей взаимодействия с миром.

Примечания

¹ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М., 2002. – С. 49–57.

Куликова Ольга Борисовна,
Ивановский государственный энергетический университет,
профессор кафедры философии,
тел. (раб.) 26-97-75.

Kulikova Olga B.
Associate Professor of Philosophy at Ivanovo State Power University, Department of Philosophy.

² См.: Лоренц К. Эволюция и априори // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. – 1994. – № 5. – С. 11.

³ См.: Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. – 1994. – № 6. – С. 36.

⁴ См.: Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. – 1994. – № 5. – С. 22.

⁵ См.: там же. – С. 24–25.

⁶ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания. – М., 1998. – С. 251.

⁷ См.: Хаклвез Кай. Системный подход к эволюции и эволюционной эпистемологии / Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. – М., 1996. – С. 187.

⁸ См.: там же. – С. 189.

⁹ См.: Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание (О проблемах, которые решены эволюционной теорией познания) // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. – 1994. – № 6. – С. 42.

¹⁰ См.: там же. – С. 42, 43–44.

¹¹ См.: Хаклвез Кай. Указ соч. – С. 178, 180, 181.

¹² Там же. – С. 181.

¹³ Там же. – С. 180, 189.

¹⁴ См.: Эзер Э. Динамика теорий и фазовые переходы // Вопросы философии. – 1995. – № 10. – С. 41.

¹⁵ См.: Поппер К. Указ. соч. – С. 23.

¹⁶ См. там же. – С. 18.

¹⁷ См.: там же. – С. 20.

¹⁸ См.: Лоренц К. Указ. соч. – С. 16–17.

¹⁹ См.: Круглов А.Н. О происхождении априорных представлений у И. Канта // Вопросы философии. – 1998. – № 10. – С. 129.

²⁰ См.: там же. – С. 20, 24.